

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ**

УДК 330(075.8)

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА
КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ***Р.М. Нуртдинов, А.Р. Нуртдинов***Аннотация**

Статья посвящена исследованию институциональной системы как источника экономического развития. Уточняются пути влияния институциональной системы на макроэкономическую динамику, обосновывается вывод о ключевой роли институциональной системы в механизмах экономического развития. Определяются основные институциональные особенности России, обуславливающие негативные тенденции ее экономического развития.

Ключевые слова: институциональная система, институциональные особенности страны, экономическое развитие, факторы экономического развития, трансформационная экономика.

Институциональный подход получил самое широкое распространение в современной экономической науке, что свидетельствует о его значимости и огромном исследовательском потенциале.

Наиболее перспективными нам представляются возможности институциональной теории в изучении проблем экономического развития, так как институциональная система, сложившаяся в обществе, во многом определяет темпы, качество, приоритеты и механизмы экономического развития. При этом ее влияние, как правило, существеннее, чем роль традиционных источников роста – природных, трудовых, капитальных и др.

Один из основоположников новой институциональной теории Д. Норт считает, что институты выступают «фундаментальными факторами функционирования экономических систем в долгосрочной перспективе», а динамическая теория «должна опираться на модель институциональных изменений» [1, с. 8].

Еще более определенно высказывается на этот счет Т. Эггертссон. По его мнению, институциональная теория «занимается изучением конечной загадки экономики: почему некоторые страны способны организовать свою экономическую жизнь эффективно, в то время как другие страны не могут обеспечить свой экономический рост и даже страдают от нищеты посреди изобилия» [2, с. 4].

Институциональная система представляет собой исторически обусловленную совокупность определенным образом организованных социальных институтов, находящихся в отношениях взаимообусловленности, взаимозаменяемости, взаимоограничения, взаимовлияния, и проявляет себя как интегральное явление.

Воздействие институциональной системы на экономику многогранно, его можно рассматривать по различным направлениям. На основе изучения и обобщения взглядов, представленных в экономической литературе, выделим наиболее важные из них, оказывающие существенное воздействие на процесс экономического развития. Институциональная система:

- обеспечивает экономических агентов информацией, необходимой для предпринимательской деятельности, реализации инвестиционных проектов, способствуя снижению производственных и транзакционных издержек;
- формирует систему взаимодействия экономических агентов, что позволяет избегать распределительных конфликтов, обеспечивать эффективную аллокацию факторов и результатов производства;
- определяет механизмы защиты рыночной конкуренции от тенденций к монополизации;
- создает открытость, прозрачность и прогнозируемость экономической деятельности для предпринимателей, инвесторов, собственников и общества в целом;
- осуществляет спецификацию прав собственности;
- структурирует экономическую среду, определяет запретительные рамки деятельности экономических агентов, ограничивая их свободу и произвол, привнося соответствующую определенность и прогнозируемость;
- способствует структурной оптимизации субъектов предпринимательской деятельности, определяя оптимальное соотношение крупных, средних и малых предприятий, обеспечивает реализацию их позитивных сторон и минимизацию отрицательных, усиливает синергетический эффект их взаимодействия;
- формирует необходимую мотивацию и стимулы трудовой и предпринимательской деятельности, их направленность на достижение эффективности, конкурентоспособности и динамизма общественного производства;
- ограничивает деятельность экономических субъектов определенными социальными и экологическими рамками, в то же время открывает новые возможности для функционирования и развития;
- обеспечивает стабильность и эволюционный характер развития экономики посредством малых и постепенных изменений, не выходящих за рамки утвердившегося институционального каркаса, предохраняет его от воздействия разрушительных тенденций;
- формирует условия реализации принципа взаимных сдержек и противовесов, ограничивает полномочия исполнительной власти в экономической сфере, выступая условием защиты собственности и рыночной конкуренции.

Экономическое развитие, разумеется, обусловлено действием всей совокупности факторов, под которыми в самом общем виде следует понимать явления или процессы, определяющие позитивную макроэкономическую динамику в единстве количественных и качественных характеристик. Факторы экономического развития имеют множество форм проявления и могут выступать в виде материально-вещественных и интеллектуальных объектов, производственных

и финансовых ресурсов, социально-экономических и институциональных отношений, противоречий и интересов, а также видов деятельности.

На основе теоретического анализа и обобщения практики экономических реформ в России с учетом зарубежного опыта мы пришли к выводу, что главным фактором в современной экономике выступает институциональная система. В этой связи актуальным является утверждение, что «каков бы ни был фактор, оказывающий воздействие на процесс совместной деятельности людей и его результаты, он действует через институты и благодаря институтам» [3, с. 39].

Определяющий характер институциональной системы в современном экономическом развитии обуславливается следующими обстоятельствами:

- повышенные требования к качеству человеческого капитала, что вызывает существенные изменения в институтах образования, здравоохранения и других, обеспечивающих позитивную динамику качества жизни;
- инновационный характер экономики требует адекватной системы институциональной поддержки, включающей защиту прав собственности, снижения административных барьеров и развития конкуренции;
- развитие специализации и разделения труда, повышающее требования к институтам регулирования;
- усложнение хозяйственных отношений и появление новых видов рисков, предполагающее совершенствование институтов управления рисками, мониторинга экономических, социальных и экологических процессов;
- усиление роли информации и информационных технологий, повышающее значимость институтов, представляющих информацию о деятельности организаций и гарантирующих ее достоверность и прозрачность;
- диверсификация экономики, зависящая от качества и стабильности институциональной среды.

Обращает на себя внимание, что многие государства в современном мире являются экономически отсталыми, демонстрируют низкие темпы развития. В условиях финансовой, производственной, технологической и информационной открытости такое трудно объяснить с позиций неоклассической парадигмы. Напротив, условия свободных рыночных отношений, представляющие широкие возможности для привлечения капиталов, распространения инноваций и технологий, должны содействовать экономическому динамизму национальных хозяйств, отставших в своем развитии, способствовать преодолению глубокой дифференциации между ними и индустриально-развитыми государствами.

Вышеизложенное имеет непосредственное отношение к России, являющейся потенциально одной из самых богатых стран в мире, располагающей огромными ресурсами, но так пока и не реализовавшей в должной мере свои возможности.

Потеря Советским Союзом динамизма и необходимого качества экономического роста стала главной причиной радикальной экономической трансформации. Однако при переходе к рыночным отношениям экономическая система продемонстрировала негативные тенденции изменения. В период экономических реформ страна испытала глубокий социально-экономический кризис, который проявился в спаде производства, снижении инвестиционной активности, ухудшении показателей производительности труда и эффективности производства, утрате конкурентных преимуществ, а также в падении уровня жизни населения.

Так, до начала экономических реформ наша страна являлась одной из двух крупнейших экономических держав мира. По своему потенциалу СССР отставал лишь от США, но опережал остальные страны, прочно занимая второе место в мире. Однако к концу девяностых годов положение страны резко изменилось. Объем ВВП России составлял лишь 10.1% от аналогичного показателя США, что соответствовало десятому месту в мире. По производству ВВП на душу населения Россия занимала 57-е место, уступая многим развивающимся странам [4].

Россия за первые семь лет рыночных реформ потеряла 41% ВВП, объем промышленного производства снизился на 52%. Доля производства товаров в структуре ВВП сократилась с 60.5% до 37.9% [5, с. 16]. Спад производства затронул все отрасли национальной экономики. Наиболее ощутимым он был в легкой, целлюлозно-бумажной промышленности, в машиностроении, химии и нефтехимии.

Ситуация изменилась после финансового кризиса 1998 года, в стране возобновился экономический рост, оживилась инвестиционная деятельность, произошли позитивные изменения в социальной сфере. Однако факторный анализ динамики отечественной экономики свидетельствует о том, что экономический рост в 2000-е годы был обусловлен преимущественно конъюнктурными источниками. Во-первых, глубокой девальвацией российского рубля, что определило сокращение спроса на зарубежные товары и, соответственно, увеличение спроса на отечественную продукцию. Во-вторых, высокими ценами на основные статьи российского экспорта, представленного преимущественно природно-сырьевыми товарами. В-третьих, привлечением российскими банками и корпорациями в огромных масштабах кредитных ресурсов из развитых стран по относительно низким ставкам. На долю же инвестиций приходилось не более 10–15% в общей совокупности факторов роста, а влияние инноваций, научно-технического прогресса практически не просматривалось. Так, на мировых рынках наукоемкой продукции доля России по самым оптимистическим оценкам не превышала 1% (против 36%, принадлежащих США, 30% – Японии) [6, с. 5].

Степень эффективности ВВП в этот период также оставалась низкой. Например, энергоемкость отечественного производства в 1.8 раза выше, чем в США, в 3 раза, чем в Западной Европе, металлоемкость отечественного ВВП превышает аналогичный показатель индустриально развитых стран в 2.5–3 раза. Посевные площади России составляют около 12–15% от мировых, но при этом страна производит лишь 2% от общего объема зерна. Плотность дорог с твердым покрытием в России составляет 29 км на 1000 кв. км территории, для сравнения в США – 600 км, в Великобритании и Франции – более 1500 км, в Японии – 3000 км на 1000 кв. м [7].

Доля импортных ресурсов в товарном обеспечении розничного товарооборота увеличилась с 30% в 1999 г. почти до 50% в 2008 г., что давно превысило допустимые нормы, обеспечивающие экономическую безопасность страны.

В рейтинге конкурентоспособности за 2010 год экономика России разместились между Шри-Ланкой и Уругваем, что соответствовало 63-му месту среди 139 отслеживаемых стран. При этом по критериям защиты собственности – 126-е, качеству институтов – 118-е, стандартам корпоративного управления – 199-е место [8].

Около трети российских граждан, по экспертным данным, живут за чертой бедности. Неуклонно увеличивается социальное расслоение. На долю 10%

наименее обеспеченных граждан приходится 2% от общей суммы денежных доходов, а на долю 10% самых богатых – более 30%. Соотношение составляет, как видим, 1 : 15, но, если учитывать скрытые доходы богатых, этот показатель достигает 1 : 40 против средних 1 : 5 в странах Европы [9]. С позитивными оценками правительства не согласуются и данные доклада ООН о развитии человека. По показателю развития человеческого потенциала России было отведено место лишь в восьмом десятке между Албанией и Македонией [10].

Приведенные факты убеждают нас в неустойчивости фундамента, на котором происходили позитивные процессы в первом десятилетии XXI в., что получило очередное подтверждение в ходе мирового экономического кризиса, захлестнувшего Россию в конце 2008 г. Как свидетельствует статистика, Российская Федерация оказалась в числе стран, наиболее пострадавших от него. Снижение ВВП за 6 месяцев 2009 г. составило 10.9% против 5.5% в странах Европейского союза и 3.9% в США. Особенно удручающими выглядят результаты России на фоне стран БРИК: Бразилия – 1%, Индия – 6.1%, Китай – 7.9% [11].

Подобное положение дел вынуждает делать нелицеприятные выводы о результатах экономических реформ. Например, федеральный министр Э. Набиуллина отмечает: «Мы пока не видим появления новых глобально конкурентоспособных секторов. По пальцам можно пересчитать те проекты, которые основаны на опережающих другие страны технологиях. Нет необходимой динамики в развитии человеческого потенциала. По сути, законсервировалась структура экспорта. Инновационная активность предприятий – в разы ниже, чем у наших конкурентов на мировых рынках. Все это значит, что мы пока уверенно идем по инерционному пути развития, который, как вполне четко показывают и наши прогнозы, и прогнозы независимых аналитиков, ведет нас в тупик... Работавшая последние восемь лет модель роста себя практически исчерпала» (цит. по [6, с. 8]).

Проведенные исследования причин кризиса свидетельствуют о том, что деструктивных факторов экономического развития много. Возникновение их, безусловно, было связано с разрывом хозяйственных связей, распадом единого государства, снижением мировых цен на энергоносители и со структурными диспропорциями, доставшимися в наследство от коммунистического режима, и т. д. Но прежде всего такой характер развития обусловлен, на наш взгляд, несовершенством и неразвитостью институциональной системы, отсутствием в ней многих необходимых элементов, ее несоответствием содержанию проводимых реформ. Отмеченное явилось следствием, с одной стороны, недостаточного внимания к институциональным проблемам, с другой – непродуманности и поспешности институциональных преобразований в 90-е годы, а также фактической консервации институциональных реформ в 2000-е. Можно констатировать, что сложившаяся институциональная система стала серьезным препятствием на пути экономического развития страны.

Проблема институциональных преобразований не была, конечно, полностью исключена из числа детерминант рыночной трансформации. Переходный период в российской экономике сопровождался радикальной перестройкой институциональной системы, ознаменовавшейся созданием основополагающих экономических, социальных и политических институтов. Но в значительной мере

эта работа была сведена к созданию корпораций, финансовых структур, органов государственного регулирования и т. п.

Преобладающим способом формирования институциональной системы стал метод импорта институтов из развитых стран, поскольку априори он был признан единственно возможным и наиболее эффективным. Оправдывая такой подход, Е. Гайдар еще на заре рыночных реформ заявлял, что не нужно изобретать велосипеда, он давно изобретен, нужно садиться на него и ехать. Заметим, что мы не возражаем против такого утверждения, но с одной существенной оговоркой: велосипед должен быть приспособлен к российским условиям. Перенесение институциональных условий развитых рыночных экономик без учета их соответствия укоренившейся неформальной институциональной подсистеме, противоречащих историческим, культурным и конфессиональным традициям страны, без процедуры адаптации не могло не оказать негативного влияния на процесс формирования рыночных отношений, стало деструктивным фактором для экономического развития страны. В результате возник целый ряд институциональных дисфункций, преодоление которых и сегодня видится сверхсложной задачей.

Исторический опыт наглядно показывает, что попытки перескочить за короткие сроки исторические эпохи, политика «быстро догнать и перегнать» редко приводят к позитивным результатам, по крайней мере не в нашей стране с ее огромной территорией, значительной экономической дифференциацией регионов, с колоссальным природно-климатическим и культурно-историческим разнообразием и т. п. На наш взгляд, рациональнее придерживаться эволюционного варианта развития институциональной системы, без революционных потрясений, руководствоваться принципами осторожности и постепенности при вживлении новых институтов в естественную, исторически сложившуюся социально-культурную ткань.

Некоторые ученые отмечают, что культурные стереотипы нашего народа не способствовали рыночным реформам, напротив, тормозили их, и эти проблемы долгое время не были предметом пристального изучения.

Р.М. Нуреев, например, характеризует российскую экономическую ментальность как коммунальную, общинную, рассматривающую индивида как часть целого. Для нее характерны перераспределительные обычаи, склонность к смирению и покорности, абсолютизация моральных ценностей в противовес материальным устремлениям [12].

М.Н. Антоненко считает, что на ментальность нашего народа большое влияние оказало православие, его этические нормы. Во-первых, труд согласно его постулатам не относится к числу главных ценностей, «труд есть наказание человека за богоотступничество. Он дан в качестве испытания и страдания» [13, с. 8]. Во-вторых, «богатство – это избыток, приобретенный сверх того, что положено от Бога. Богатство есть признак нравственного несовершенства, это нечто, приобретенное несправедливо, “не по правде”» [13, с. 8].

В нашей национальной культуре успех – это удача, следствие везения, приводящего к быстрому обогащению, а не результат длительных собственных усилий; результат использования личных связей, а не следствие объективных процессов. Соответственно, собственность, бережливость, накопительство рассматриваются в национальной культуре чаще как отрицательные ценности.

Следует также отметить, что в процессе рыночной трансформации произошло столкновение новых формальных правил со старыми неформальными правилами и новых неформальных правил со старыми формальными. В результате неформальные отношения стали доминирующими, оттеснили на периферию формальные институты. Причем новые неформальные отношения не были отношениями рыночного свойства, они несли в себе отпечаток предшествующего, нерыночного этапа развития.

Одним из ключевых направлений институциональной трансформации России явилась приватизация собственности, переход от тотального государственного присвоения к многоукладной системе. В ходе приватизации государственной собственности значительная часть объектов была передана в частные руки. На 1 апреля 1998 г. около 74% всех хозяйствующих субъектов функционировало на основе негосударственной формы собственности, в том числе: в сельском хозяйстве – 94%, в торговле и общественном питании – 90%, в строительстве – 85%, в промышленности – 79%. На долю смешанной собственности приходилось 6%, а на долю государственной и муниципальной собственности – 12% [14].

Однако в процессе приватизации государственная собственность по большей части перешла во владение к инсайдерам, в России не возникло эффективного частного собственника, была проигнорирована роль государственного сектора, необходимость его оптимального соотношения с институтами частной собственности. Все это в значительной степени предопределило инерционность экономической системы, болезненные формы перехода к рыночной экономике и глубокий трансформационный спад.

К рассмотренным институциональным проблемам в нулевые годы добавились новые. В частности, заметно сузилась социальная база формирования эффективных экономических институтов на основе демократических процедур – через политическую конкуренцию, выборы и политическое представительство. Между тем факторы, которые в предыдущем десятилетии препятствовали расширению спроса на эффективные социальные институты, в модифицированном виде продолжили свое действие. Если экономика 90-х годов многими характеризуется как олигархический капитализм, то для настоящего времени наиболее адекватным ее определением является понятие «государственный капитализм». Однако важно другое: в рамках этих моделей сформировались и действуют мощные политические силы, направленные на поддержание и воспроизводство неэффективной институциональной системы.

Таким образом, направление институциональной трансформации собственности к середине 2000-х годов изменилось. Политика тотальной приватизации государственной собственности была вытеснена политикой ее огосударствления. Общая динамика государственного сектора российской экономики характеризовалась следующими основными тенденциями: интеграция государственных активов в холдинговые компании; расширение масштабов деятельности государственных структур на основе поглощений, слияний и вертикальной интеграции; предоставление различных преференций, льгот и преимуществ государственным компаниям.

К 2007 г. совокупная доля акционерных обществ, где государство осуществляло реальный корпоративный контроль, превысила половину всех хозяйственных

обществ с его участием. В целом доля акций российских компаний, принадлежащих государству, в 2006 г. составляла 29,6%, к началу 2007 г. достигла 35,1%, а к началу 2008 г. порядка 40–45%. Доля госимущества в общей массе имущества составляла в 2009 г. более 75% [15, с. 23].

Заметной институциональной тенденцией стало создание новых государственных корпораций, в числе которых «Роснано», «Олимпстрой», «Ростехнологии», «Росатом» и др. Это значительно повысило экономико-финансовые риски: во-первых, в порядок их создания был заложен индивидуальный принцип, выводящий корпорации за рамки общих правовых норм, установленных для хозяйствующих субъектов; во-вторых, не были созданы эффективные механизмы контроля над целевым использованием и сохранностью имущества, обеспечением прозрачности и соответствия их фактической деятельности уставным целям.

Среди институциональных особенностей этого периода помимо роста прямого вмешательства в экономику следует отметить процесс сращивания государственной бюрократии и бизнеса в рамках построения административной вертикали и централизации политической власти. Все это способствовало росту неэффективности национального хозяйства, ограничивало реализацию возможностей долгосрочного экономического развития.

Создаваемая с начала 2000-х годов конструкция взаимодействия «государство – собственность» предусматривала слияние государственной собственности с вертикалью власти. В этих условиях частная собственность оказывалась в подчиненном по отношению к власти положении, а взаимодействие государственной и частной форм собственности выстраивалось не по горизонтали, на условиях состязательности, а по вертикали. Ослабление рыночной конкуренции, в свою очередь, вело к подавлению частного сектора, к разрушению рыночных механизмов, а в конечном счете к утрате экономической эффективности.

Государство в указанный период значительно больше внимания стало уделять финансовым и дирижистским методам управления. В частности, это нашло отражение в массивной бюджетной экспансии, в накачке денежными ресурсами государственных корпораций. Подобное развитие событий стало возможным в условиях мощного притока дешевых денег, которые захлестнули страну в последние предкризисные годы. Непосредственными результатами такой политики стали раскручивание инфляции и дальнейшее торможение институциональных реформ.

Государство, значительно расширив масштабы прямого вмешательства в экономику, существенно снизило саморегулирующие и стимулирующие возможности рынка. Это сказалось в ухудшении инвестиционного климата, выразившемся в росте инвестиционных рисков, в ограничении капиталовложений, переориентации инвестиций на спекулятивные финансовые рынки. Среди прямых инвестиций преобладали капиталовложения в сырьевые отрасли, в недвижимость, торговлю и лишь отчасти в производство продуктов питания. Инвестиции в отрасли высоких технологий оставались весьма незначительными.

В рассматриваемый период фактически не развивались базовые рыночные институты – защиты прав собственности, акционеров и кредиторов, управления собственностью и банкротства. Следует сказать и о неадекватности законодательного и регулятивного обеспечения процессов развития экономических

институтов, о заметном отставании формальных и неформальных институтов от экономических реалий» [15, с. 25].

Характерной особенностью институционального развития страны является практика двойных стандартов, когда для разных участников рыночных отношений применяются различные нормы и правила, что, безусловно, создает непреодолимые препятствия формированию благоприятных институциональных условий для реализации факторов экономического развития.

Серьезной институциональной проблемой остается состояние правоприменения, значительно расширившиеся возможности неоднозначной и выборочной интерпретации хозяйственного законодательства. Это, во-первых, усиливает неопределенность последствий хозяйственных решений для бизнеса, не позволяя адекватно предвидеть ответные действия государства, во-вторых, заметно ужесточает порядок взаимоотношений власти и бизнеса. Проблемы правоприменительной системы, увеличение неопределенности законодательных норм и их ужесточение существенно расширили риски в сфере прав собственности и предпринимательской деятельности.

Институциональной особенностью современной России стали так называемые институты развития. Их создание обусловлено стремлением государства развиваться быстрее, чем позволяют объективные законы рынка. Правительство полагает, что в национальной экономике есть отрасли, являющиеся ключевыми для страны либо слаборазвитыми, которым необходимо придать больший динамизм, что в конечном итоге будет стимулировать высокие темпы экономического роста. Однако следует отметить, что большинство институтов развития в России обладают незначительными масштабами деятельности, средства, находящиеся в их распоряжении, недостаточны для выполнения поставленных задач. Необходимо также констатировать неэффективность и непрозрачность этих структур. В условиях неразвитости институтов собственности и рынка, а также доминирования институтов власти перераспределение финансовых ресурсов приводит к хищениям, множество проектов остаются нереализованными, поскольку нередко более выгодным оказывается инвестирование средств в зарубежную недвижимость, чем в реальное производство. Кроме того, состояние технологической базы в России настолько плачевное, что наша промышленность просто не способна наладить массовый выпуск разработок, которые дает наука. Традиционно слабой является цепочка от науки к производству, что, конечно, негативно отражается и на деятельности институтов развития.

Особенностью институтов развития является принятие государством части рисков реализуемых проектов, облегчение налоговых и экономических условий функционирования предпринимательства созданием, например, особых экономических зон. Подобные задачи выполняются государством не всегда должным образом. Сложная и непрозрачная процедура принятия решений по выбору объектов инвестирования и поддержки, чрезмерный документооборот, избирательность при принятии решений в отношении претендентов на финансирование, отсутствие координации – далеко не полный перечень недостатков институтов развития.

Институты государства в трансформационной системе могут и должны играть важную роль, но при условии их социально-экономической эффективности.

Однако это возможно только при наличии развитых институтов демократии и гражданского общества. Кроме того, необходимо их оптимальное сочетание с институтами рынка, что обуславливает ограничительные рамки государственного участия в экономике. Наблюдаемое сегодня расширение масштабов государственного вмешательства в экономику сдерживает динамизм частного сектора, ограничивает институты конкуренции и другие естественные законы рыночной системы.

Институциональной особенностью и одновременно одним из главных факторов, препятствующих устойчивому экономическому развитию России, является институт коррупции, достигший, судя по всему, невиданных в истории нашей страны масштабов. Эксперты международных организации фиксируют устойчивую тенденцию резкого ухудшения положения дел в России: с 86-го места в 2002 г. она опустилась на 154-е место из 180 стран, представленных в рейтинге в 2010 г. Как зарубежные, так и российские исследования свидетельствуют о том, что коррупция в современной России приобрела системный характер. Власть активно вмешивается в деятельность субъектов предпринимательства, извлекая значительную «административную ренту», ставшую основной частью доходов государственной бюрократии.

Ситуация с коррупцией в России не изменится к лучшему до тех пор, пока не будут созданы эффективные демократические институты и государство не станет подконтрольным обществу. Пока же приходится констатировать, что прозрачность государственных структур продолжает неуклонно снижаться, а институты гражданского общества и независимые средства массовой информации, занимающиеся борьбой с коррупцией, испытывают значительные сложности в своей деятельности и даже закрываются.

В целом следует отметить: Российская Федерация на сегодняшний день ощутимо отстает по качеству институтов не только от экономически развитых стран, но и от многих развивающихся. Это можно наблюдать на примере различных институтов – рынка и собственности, государственного управления и государственного регулирования, корпоративного управления, политико-правового обеспечения, рыночной трансформации, человеческого капитала и социального развития, экологического регулирования и др.

Несовершенство институциональной системы обуславливает высокие трансакционные издержки, которые снижают потенциальную привлекательность страны для инвестиций и определяют неблагоприятные условия для выхода на рынок новых компаний, расширения деятельности существующих предприятий. Проблема совершенствования институциональной системы особенно актуальна сегодня, когда поставлены задачи по диверсификации экономики, приданию ей инновационной направленности, созданию высокотехнологических и наукоемких производств.

Анализ взаимосвязей экономического развития и институциональной системы Российской Федерации в докризисный период позволил обнаружить очень значимое и редко встречающееся в мировой практике противоречие – сочетание высоких темпов экономического роста с низким качеством институциональной системы. Замечено, что в мире не существует ни одной страны с уровнем душевого ВВП более 18000 долл. (по ППС), в которой уровень институционального

развития соответствовал бы российскому или был бы ниже российского. Это эмпирическое наблюдение Л. Фрейнкман и В. Дашкеев интерпретируют следующим образом: «величина институционального отставания не может беспречно увеличиваться, и при достижении определенного уровня развития страна сталкивается с ситуацией, когда без адекватных институциональных изменений дальнейший рост оказывается невозможен» [16, с. 86].

Мы полагаем, что при формировании государственной программы долгосрочного экономического развития страны было бы неправильным игнорировать существующие глобальные взаимосвязи между институтами и экономическим развитием. С учетом опыта мирового развития надежда на возможность дальнейшего развития России без серьезной институциональной модернизации кажется экономически нерациональной. Расчет на возможность долгосрочного роста на основе какого-то своего особенного пути выглядит необоснованным и достаточно рискованным. Подобные эксперименты, о чем свидетельствует российская практика, не раз приводили к катастрофическим результатам.

Одним из факторов, явившихся причиной институционального отставания России, стали ее нефтегазовые доходы. Они поддерживают рост ВВП и доходов населения, что ослабляет стимулы к реформированию институтов. Нефтяная рента, по опыту многих стран, заметно затрудняет институциональный прогресс. Однако обреченности здесь, полагаем, нет, что подтверждается опытом Норвегии, Великобритании и ряда других стран.

Наблюдения последних двух десятилетий свидетельствуют о том, что заметных успехов в институциональной трансформации достигали страны, в которых реформирование институтов стимулировалось за счет внешнего фактора – решения задачи интеграции в те или иные международные структуры и сообщества. Ряд государств, поставив задачу вступления в Европейский союз, последовательно приближали свою институциональную систему к европейским стандартам. Л. Фрейнкман и В. Дашкеев полагают, что «при наличии политической воли стимулирующим фактором для институциональных преобразований могли бы стать... переговоры о вступлении России в ОЭСР» [16, с. 87]. В перспективе – добавим от себя – и членство в Европейском союзе, хотя последнее вряд ли может рассматриваться сегодня как реалистичная задача.

В результате такой политики мы имели бы возможность максимально сблизить институциональную систему нашей страны с западными аналогами, перестроить деятельность ведущих институтов на основе высоких международных стандартов, сохраняя при этом все лучшее, что имманентно присуще национальному институциональному каркасу. Это предоставило бы нам шанс в перспективе ликвидировать институциональное отставание страны, создать благоприятные условия для устойчивого экономического развития.

Summary

R.M. Nurtidinov, A.R. Nurtidinov. Institutional System as a Factor of Economic Development.

The article investigates an institutional system as a source of economic development. The ways of influence of an institutional system on macroeconomic dynamics are specified; the key role of an institutional system in the mechanisms of economic development is substantiated.

In addition, the work identifies the main institutional features of Russia which cause negative tendencies in its economic development.

Key words: institutional system, institutional features of a country, economic development, factors of economic development, transitive economy.

Литература

1. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – 237 с.
2. *Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты. – М.: Дело, 2001. – 407 с.
3. Институциональная экономика / Под рук. Д.С. Львова. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 318 с.
4. Масштабы экономики России в сравнении с другими странами мира (тезисы). – URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/RusWorld/Rus-Portug.pdf, свободный.
5. *Мау В.* Российские реформы сквозь призму латиноамериканского опыта // Вопр. экономики. – 1998. – № 2. – С. 4–21.
6. *Кушлин В.* Выбор модели развития в условиях ужесточения эколого-ресурсных ограничений // Экономист. – 2008. – № 7. – С. 3–13.
7. В России не дороги, а направления // Рос. газ. – 2007. – 23 марта.
8. *Фрумкин К.* Национальная специфика // Финанс. – URL: www.finansmag.ru/articles/87930, свободный.
9. *Долгих А.* Страна разных возможностей // Нов. изв. – 2007. – 7 авг.
10. ООН: рейтинг качества жизни в странах мира на 2009 г. – URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2009/10/06/2192>, свободный.
11. *Иноземцев В.* Она утонула // Ведомости. – 2009. – 5 окт. – URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2009/10/05/215382>, свободный.
12. *Нуреев Р.М.* Перспективы развития институциональной экономики в современной России // Всерос. симпозиум по экономической теории. Пленарные доклады. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2003. – С. 107–124.
13. *Антоненко М.Н.* Нормы нравственности и развитие собственности в России // Вестн. науч. тр. Нижнекам. гуманит.-эконом. ин-та. – 2001. – Вып. 3, ч. 6. – С. 4–11.
14. *Якутин Ю.* Любить по-русски // Экономика и жизнь. – 1998. – № 19 (май). – С. 1.
15. *Радыгин А., Энтов Р.* В поисках институциональных характеристик экономического роста // Вопр. экономики. – 2008. – № 8. – С. 4–27.
16. *Фрейнкман Л., Дашкеев В.* Россия в 2007 году: риски замедления экономического роста на фоне сохраняющейся институциональной стагнации // Вопр. экономики. – 2008. – № 4. – С. 75–93.

Поступила в редакцию
23.05.11

Нуртдинов Равиль Муллаунович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: raul_nur@list.ru

Нуртдинов Альберт Равилевич – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии Казанского кооперативного института.

E-mail: nur_albert@list.ru